

Fragmente din memoriile diplomatului rus Iurij Soloviv, secretar al Legatiei Rusiei la Bucuresti, in perioada 1906-1908.

Jurij Ja. Solovev, *Vospominanija diplomata 1893-1922, Minsk, 2003.*

Am ajuns la București în luna septembrie a anului 1906. Noul meu șef era M.N. Ghirs, fiul cel mai mare al fostului ministru de afaceri străine. L-am întâlnit doar o singură dată (în anul 1898), după ce am revenit din China, unde Ghirs a fost numit în calitate de delegat. A stat acolo până în anul 1901 și a fost martorul asediului Misiunii din timpul revoltei boxerilor. Misiunea rusească de la București a jucat un rol important în istoria României. Doar Misiunea austriacă, în fruntea căreia se afla prințul Schönburg, un om modern și simpatic, dar limitat, era în stare să concureze cu cea rusească. Prințul era destul de tânăr și nu demult ocupase funcția de consilier al Misiunii de la București. Pe lângă toate acestea, trimisul german von Kiderlen-Waechter a ocupat o poziție aparte și de influență, mai ales în mediul comercial, un diplomat grosolan dar foarte deștept care a trecut prin școala lui Bismarck, viitorul ministru german de Externe.

În anul 1906 tronul de la București era ocupat de Carol I, principe de Hohenzollern-Sigmaringen, din anul 1866 rege al României, anul în care regele George I urcase pe tronul Greciei. Astfel, am avut de-a face cu cel de-al treilea din suveranii balcanici, care a domnit aproape o jumătate de secol. Asemeni lui George I al Greciei și Nicolai I al Muntenegrului, Carol I a fost un conducător destul de experimentat și de priceput. Era într-o situație mult mai dificilă decât semenii săi. El s-a trezit în mijlocul regatului român, nu demult unit, după abdicarea predecesorului său, domnitorul A.I.Cuza, în toiul luptelor pentru putere dintre moldoveni și boierii valahi. După abdicarea lui Cuza, mulți dintre cei aflați pe câmpul de luptă tindeau să urce pe tronul fostului domnitor. La începutul domniei sale, regele Carol (pe atunci domnitor) a dat dovadă de stoicism. Printre altele, unul dintre aghiotanții săi, fusese conducătorul complotului ofițeresc de la Ploiești, care era pe cale să-l detroneze pe tânărul domnitor. Cu toate acestea, atâta timp cât Carol rămase în România, el nu și-a schimbat părerile și convingerile sale firești unui ofițer prusac.

Regina Elisabeta a României (și ea după origine nemțoaică, născută prințesă de Wied) a fost o persoană excepțională. Fiind scriitoare, cunoscută sub numele de Carmen Sylva, a scris o mulțime de poezii și nuvele uitate acum. Mereu știa cum să-i atragă pe cei mai buni reprezentanți ai literaturii și ai artei. Aproape în fiecare săptămână, vinerea, organiza seri de literatură și

muzică. Discuțiile purtate de ea din domeniul literaturii și al artei erau extrem de interesante. Pe lângă aceasta, mereu respecta democrația. Cercul cunoscuților ei era mult mai larg, decât cel al membrilor familiei regale. Regina era preocupată de sentimentalismul german. Atunci când regele stătea la pat, ea a publicat în ziare unele detalii intime despre viața ei familială, astfel încât mulți dintre monarhiști se întrebau dacă acestea nu vor dăuna la menținerea prestigiului regal.

În Sulina, Comisia Europeană a Dunării, care se bucura de suveranitate parțială, își avea reședința într-un mic palat. Comisia avea o flotă mică, care era responsabilă de navigația pe brațul principal al Dunării – brațul Sulina. Vice consusul Sulinei era Butchevici, pe care l-am mai văzut în timpul războiului când treceam prin Anglia. Pe atunci el era consul în Newcastle. În acea perioadă, delegatul „de gardă” al comisiei din Sulina era un turc. El ne-a invitat pe mine, pe consuli Butchevici și Petrov și pe comandantul torpilor să luăm masa împreună. Am discutat despre diversele laturi ale activității Comisia Europeană a Dunării, fructul tratului de la Paris și Berlin. În urma călătoriei de pe Dunăre, am trimis la Petersburg un raport detaliat despre impresiile mele. Am mai scris despre necesitatea de a amplasa posturile de grăniceri mai aproape de mal, întrucât partea noastră a brațului Chilia trebuie apărată mai bine. Cred că a venit timpul ca grănicerii ruși să ia exemplul de la grănicerii români și să tragă în pescarii străini când aceștia trec granițele. De altfel reeșea că noi tot timpul ne plângeam, iar românii continuau să tragă în pescarii noștri. În afară de aceasta, i-am mai scris despre faptul că ar fi necesar să se înființeze un consulat titular la Constanța – un punct mult mai important decât Tulcea sau Sinaia, orașe în care mai existau consuli ruși.

.....

В Бухарест приехал в сентябре 1906 г. Моим новым начальником был М.Н.Гирс, старший сын бывшего министра иностранных дел. Прежде я встречал его лишь однажды (в 1898 г.), после моего возвращения из Китая, куда Гирс был назначен посланником. Он пробыл там до 1901 г. и пережил осаду миссии во время боксерского восстания. Русская миссия в Бухаресте занимала едва ли не первое место по политическому значению России в истории Румынии. Что касается влияния на Румынию, то конкурировать с русской миссией могла лишь австро-венгерская, во главе которой стоял хотя и весьма светский и симпатичный, но недалекий князь Шенбург. Он был сравнительно молод и еще недавно в том же Бухаресте занимал пост советника миссии. Наряду с этим совершенно особое

положение и, надо сказать, весьма влиятельное, но главным образом в коммерческих кругах, занимал германский посланник, грубоватый, но очень умный дипломат бисмарковской школы фон Кидерлен-Вехтер, будущий германский министр иностранных дел.

В 1906 г. в Бухаресте уже сороковой год царствовал Карл I, принц Гогенцоллерн-Зигмарингенский, ставший румынским князем в 1866 г, почти одновременно с воцарением в Афинах короля Георга I. Таким образом, мне пришлось иметь дело с третьем из балканских властителей, процарствовавшим почти столетия. Подобно греческому Георгу I и черногорскому Николаю I, Карл I уже по одному этому не мог не быть весьма опытным и искусным правителем. Его роль была, пожалуй, еще труднее, чем двух его балканских коллег. Он попал в только что объединенное румынское княжество после отречения от престола его предшественника князя Кузы, в разгар борьбы за власть молдавских и валашских бояр. Из них каждый после свержения Кузы в течение долгого времени стремился занять место владетельного князя. В начале своего правления король (тогда князь) Карл проявил необыкновенную гибкость. Между прочим, один из его долголетних генерал-адъютантов был перед тем главарем офицерского заговора в Плоешти, едва не свергнувшего молодого в то время князя. При всем том Карл оставался в течение всего времени пребывания в Румынии по своим взглядам и убеждениям настоящим прусским офицером.

Румынская королева Елизавета (по происхождению тоже немка, урожденная принцесса Вид) была также незаурядной личностью. Писательница, известная под именем Кармен Сильва, она за свой век написала бесконечное количество забытых теперь стихов и новелл и всегда умела окружать себя представителями литературы и искусства. Почти каждую неделю, по пятницам, у нее устраивались литературные и музыкальные вечера. Ее разговор в области литературы и искусства был необыкновенно интересен. Притом она всегда проявляла демократичность. Круг ее знакомых был гораздо шире, чем у остальных членов королевской семьи. Отличительной чертой королевы была чисто немецкая сентиментальность и порой своего рода институтская восторженность. Во время болезни короля она как-то поместила в газетах такие интимные подробности о своей семейной жизни, что многие убежденные монархисты спрашивали себя, желательно ли это с точки зрения поддержания королевского престижа.

В Сулине Европейская дунайская комиссия, пользующаяся полусуверенными правами, вплоть до особого полосатого флага, имеет резиденцию в виде маленького дворца. В нем живет по очереди один из делегатов. Комиссия обладает и своим небольшим флотом, составленным главным образом из землечерпалок. В ее обязанности входит поддержание судоходности главного дунайского рукава – Сулинского. В Сулине русским вице-консулом был Буткевич, которого мне пришлось затем встретить во время войны при многократных моих поездках через Англию, где он был консулом в Ньюкасле. «Дежурным» делегатом комиссии в Сулине в это время был турок. Он пригласил на обед меня вместе с нашими консулами Буткевичем и Петровым и командиром миноносца. Разговор шел о различных сторонах деятельности дунайской комиссии, детища Парижского и Берлинского трактатов.

Поездка по Дунаю дала мне возможность написать в Петербург подробное донесение о моих впечатлениях. Я также написал о необходимости более тщательной охраны вод нашей половины Килийского рукава путем приближения пограничных постов к берегу, посылки второго миноносца для охраны рыбных промыслов и применения

оружия по примеру румын, когда их рыбаки заходят в наши воды. Иначе выходило, что мы постоянно жаловались, а румыны все же продолжали стрельбу в наших рыбаков. Кроме того, я писал, что своевременно было бы учредить штатное консульство в Констанце – гораздо более важном пункте, чем Тульча или Сулина, в которых мы по старой памяти держали консулов.